

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

годъ 11 Августа | № 23 | 1906 года. | XXXV.

— О Т Д Ъ Л Ъ О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й . —

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Все-
россійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода,
Преосвященному Свмеону, Епископу Екатеринославскому
и Таганрогскому:

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій
Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Сино-
дальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 21-го іюня 1906 года за
№ 5251, о томъ, что Государь Императоръ, въ 16 день іюня
с. г. Высочайше соизволилъ на принятіе Николаевскою цер-
ковью села Покровскаго, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринослав-
ской епархіи 264 кв. саж. усадебной земли, или сколько
окажется въ натурѣ, состоящей въ упомянутомъ селѣ и отво-
димой обществомъ крестьянъ названнаго села подъ постройку
дома для псаломщика. Приказали: объ изъясненномъ Высо

чайшемъ соизволеніи увѣдомить для . должнаго исполненія Ваше Преосвященство указомъ, съ возвращеніемъ представленныхъ документовъ. Іюля 6 дня 1906 года. Оберъ-Секретарь Н. Токмановъ. Секретарь В. Крючковъ.

Перемѣны по службѣ.

РУКОПОЛОЖЕНЬ 29 іюля 1906 г. псаломщикъ Св.-Троицкой церкви с. Гуляйполя, Александровскаго уѣзда, Григорій Левицкій во священника къ Николаевской церкви села Хортицы, Екатеринославскаго уѣзда.

ОПРЕДѢЛЕНЫ: 27 іюля 1906 г. діаконъ Покровской церкви с. Елисаветовки, Новомосковскаго уѣзда, Владиміръ Гончаровъ священникомъ къ Архангело-Михайловской церкви хутора Зайцево, Бахмутскаго уѣзда; того же числа священникъ Преображенской церкви поселка Конькова, Донской епархіи Петръ Шатуленко священникомъ къ Петропавловской церкви гор. Таганрога.

ПЕРЕМѢЩЕНЬ: 27 іюля 1906 г. священникъ села Хорошаго, Славяносербскаго уѣзда, Магистріанъ Верецкій къ церкви с. Зайцево Никитовки, Бахмутскаго уѣзда; священникъ Св.-Духовской церкви с. Артельного, Павлоградскаго уѣзда, Θεодоръ Чайкинъ къ Вознесенской церкви с. Θεодоровки, Александровскаго уѣзда; псаломщикъ Св.-Духовской церкви с. Артельного, Павлоградскаго уѣзда, Петръ Мураховскій къ церкви Всѣхъ Святыхъ с. Всесвятскаго, Новомосковскаго уѣзда и того же числа псаломщикъ Св.-Духовской церкви с. Ивановки Кохъ, Павлоградскаго уѣзда, Петръ Лучникъ къ Арх.-Мих. церкви хут. Зайцево, Бахмутскаго уѣзда; 7 августа діаконъ на псаломщической вакансіи при Петропавловской церкви с. Игнатевки, Маріупольскаго уѣзда, Иванъ Бѣлецкій діаконъ къ Св.-Духовской церкви с. Цареконстантиновки, Александровскаго уѣзда.

УМЕРЪ 14 іюля 1906 г. священникъ церкви с. Перещипино, Новомосковского уѣзда, Александръ Борейко.

УТВЕРЖДЕНЫ церковные старосты: 24 іюля 1906 г. къ Ильинской церкви с. Терновки, Александровскаго уѣзда, крест. Тимоѳеѣй Тарановъ; къ Николаевской церкви поселка Яковлевскаго, Бахмутскаго уѣзда, мѣщ. Василій Ковалевъ; къ Иоанно-Предтеченской церкви с. Славянки, Павлоградскаго уѣзда, крест. Петръ Довженко; къ Николаевской церкви с. Григорьевки, Бахмутскаго уѣзда, почетный гражданинъ Иванъ Древицкій на 4-е трехлѣтіе.

УВОЛЕНЫ церковные старосты: 27 іюля 1906 года Николаевской церкви поселка Яковлевскаго, Бахмутскаго уѣзда, подполковникъ А. Измайловъ и Николаевской церкви с. Покровскаго, Александровскаго уѣзда, крест. Игнатій Мирошниченко согласно прошенію.

Списокъ свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ въ епархіи.

Всѣ священно-церковно-служительскія мѣста показанныя въ № 22 Епарх. Вѣд. за 1906 г. свободны за исключеніемъ Вознесенской церкви с. Оедоровки, Александровскаго уѣзда; Михайловской церкви хут. Зайцево, Бахмутскаго уѣзда, Покровской церкви с. Никитовки Зайцево, того же уѣзда, кромѣ того празды при Св.-Духовской церкви с. Артельнаго, Павлоградскаго уѣзда. въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 1794 души, земли 60 дес., жалованья причту 141 р. 12 к. въ годъ, и $\frac{1}{100}$ съ капитала въ 300 р., для причта устроены дома, при чемъ домъ для псаломщика остался неоконченнымъ, мѣсто священника вакантно, при Николаевской церкви с. Перещипино, Новомосковского уѣзда, въ причтѣ два священника и два псаломщика, прих. муж. пола 2826 душъ, земли усадебной $1\frac{1}{2}$ дес., пахатной 115 дес., лѣсной 38 дес. 955 кв. саж. и не удобной 34 дес.

1845 кв. саж. жалованья 1 свящ. получаетъ 144 р. 2-й—108 р. 1-й псал. 38 р. и 2-й—29 р. 40 к. и кромѣ того есть $\frac{1}{10}$ съ капитала въ 150 р., одинъ свящ. и псал. живутъ въ церковныхъ домахъ, другой свящ. и псал. квартиры не имѣютъ, мѣсто 2-го священника свободно.

Діаконскія мѣста показанныя въ № 22 тѣхъ же Вѣдом. за 1906 г. всѣ свободны за исключеніемъ Св.-Духовской церкви с. Цареконстантиновки, Александровскаго уѣзда.

Псаломщическія мѣста показанныя въ № 22 тѣхъ же Вѣдом. за 1906 г. всѣ свободны за исключеніемъ Михайловской церкви хут. Зайцево, Бахмутскаго уѣзда, кромѣ того праздно при Петропавловской церкви с. Игнатьевки, Мариупольскаго уѣзда, въ причтѣ священникъ, діаконъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 1797 душъ, земли 132 дес., жалованья священнику 78 р. 40 к. въ годъ, діакону 47 р. 4 к. и псаломщику 17 р. 64 к., для псаломщика квартиры нѣтъ, но общество нанимаетъ временное помѣщеніе, мѣсто псаломщика вакантно; при Св.-Духовской церкви с. Ивановки Кохъ, Павлоградскаго уѣзда, въ причтѣ священникъ и псаломщикъ, прих. муж. пола 1315 душъ, земли 120 дес., жалованья причту 176 р. 40 к. въ годъ, кромѣ того пользуется $\frac{1}{10}$ съ капитала 4234 р., квартира для псаломщика есть но сырая, и службъ при ней никакихъ нѣтъ.

Преподано Архипастырское благословеніе Его Преосвященства

(съ выдачею свидѣтельствъ):

прихожанамъ Троицкой церкви с. Воскресенки, Александровскаго уѣзда, за пожертвованіе 3030 р. 79 к. на ремонтъ иконостаса мѣстной церкви и обновленіе церковной утвари;

крестьянину Трофиму Бабенко за пожертвованіе 225 р. на ремонтъ Пантелеимоновской церкви с. Николаевки № 1, Новомосковскаго уѣзда.

Выражается благодарность Епархіального Начальства:

(съ внесеніемъ въ послужной списокъ):

священнику Троицкой церкви с. Воскресенки, Александровскаго уѣзда и старостѣ той же церкви Деркачу за расположеніе прихожанъ къ пожертвованію на ремонтъ иконостаса и за усердіе ихъ о благолѣпнн приходскаго храма;

(безъ внесенія въ послужной списокъ):

прихожанамъ Пантелеимоновской церкви с. Николаевки № 1, Новомосковскаго уѣзда, за пожертвованіе на ремонтъ церкви свыше 400 р. и священнику той же церкви Θεодору Базилевскому за расположеніе крестьянъ къ пожертвованію;

предсѣдателью церковно-приходскаго попечительства Максиму Булату за усердіе въ дѣлѣ пополненія Вознесенской церкви с. Вознесенки церковной утварью, вмѣсто похищенной.

Отъ Правленія Екатеринославской Духовной Семинаріи.

Правленіе Екатеринославской Духовной Семинаріи покорнѣйше просить г.г. родителей учениковъ, не внесшихъ платы за содержаніе въ общежитіи и за право обученія, уплатить свои долги къ 1-му Сентября 1906 г. Не уплатившіе, согласно 155 § устава Духовной Семинаріи, будутъ уволены изъ общежитія; а деньги будутъ взысканы административнымъ порядкомъ.

ВѢДОМОСТЬ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ наличныхъ денегъ и билетовъ Екатеринбургскаго Епархіальнаго Попечительства за іюль 1906 года.

	Попечительскій капиталъ.		Пріютскій.				Больничный.		Опекунскій.	
	Наличными.	Билетами.	Наличными.	Билетами.	Наличными.	Билетами.	Наличными.	Билетами.		
	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.	РУБ. К.		
Оставалось на 1-е іюля 1906 года		164669	462 68	21000	212 71	18300	41517 59	31650		
Въ іюль мѣсяцъ поступило на приходъ	10513 74	8700 6	673 18				3167 19			
Итого въ приходѣ на 1-е августа 1906 г.	19213 80		1135 86				44684 78			
Въ іюль мѣсяцъ израсходовано	8063 13		18 90		88 33		961 64			
Осталось въ кассѣ Попечительства на 1-е августа 1906 г.	11150 67	164669	1116 96	21000	124 38	18300	43723 14	31650		

Примѣчаніе. По журналу Попечительства отъ 16 февраля 1901 года за № 95 постановлено: всѣ состоящія въ вѣдѣніи Попечительства капиталы, помѣщенные въ подлежащихъ Госуд. Кредит. Учрежд. по книжкамъ безрочныхъ вкладовъ, сберегательной кассы, считать наличными.

Редакторъ, Секретарь Консistorіи *Д. Орловъ.*

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Указъ. 2) Перемены по службѣ. 3) Выражается благодарность епархіальному начальству. 4) Отъ Правленія Екатеринбургскаго духовнаго семинарія. 5) Вѣдомость.

Екатеринославъ. Типографія Братства Св. Владимира.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

11 Августа № 23 1906 года.

⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ. ⊖

**Принципъ: «цѣль оправдываетъ средства»
предъ судомъ общечеловѣческаго нравствен-
наго сознанія.**

Окончаніе *).

Но одного поставленнаго нами условія недостаточно для освященія средствъ цѣлью. Представимъ себѣ, что кто нибудь украсть у богача рубль для того, чтобы отдать его бѣдняку. Потеря столь незначительной суммы не доставитъ человѣку зажиточному почти никакого страданія, тогда какъ получившій ее бѣднякъ испытаетъ сильную радость. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, повидимому, достоинство цѣли превосходитъ недостойнство средства: достигнутая чрезъ послѣднее сумма человѣческаго счастья перевѣситъ количество страданій и дастъ въ результатъ нѣкоторый плюсъ. И однакожъ, едва ли кто согласится, что позволительно воровать для того, чтобы помогать бѣднымъ. Возьмемъ другой примѣръ. Есть болѣзни, при которыхъ весьма полезно для заживленія ранъ прививать живое мясо человѣка. Хорошо ли бы мы сдѣлали, если бы для оздоровленія какого либо общественнаго или научнаго дѣятеля насильно вырѣзали у кого либо кусокъ мяса. Отри-

*) См. № 22 за 1906 г.

пательный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляется для нашей совѣсти несомнѣннымъ, а между тѣмъ мы хорошо знаемъ, что жизнь общественнаго дѣятеля гораздо болѣе плодотворна и есть большее благо, чѣмъ жизнь обыкновеннаго человѣка. У Потапенко есть разсказъ: «здравыя понятія». Герой его одновременно чувствуетъ симпатію къ двумъ дѣвушкамъ, Надѣ и Ольгѣ, изъ которыхъ послѣдняя больна чахоткой. За Надю сватается старикъ милліонеръ, относительно котораго герой навѣрное знаетъ, что болѣзнь въ скоромъ времени должна свести его въ могилу. Онъ устраиваетъ ихъ бракъ, позаботившись, чтобы состояніе послѣ мужа перешло къ женѣ, а самъ женится на страстно влюбленной въ него Ольгѣ, доставляя ей на закатѣ ея жизни нѣсколько мгновеній и жгучаго счастья. Послѣ смерти ея и мужа Нади онъ женится на послѣдней, дѣлается милліонеромъ, начинаетъ оказывать изъ своего состоянія помощь нуждающимся и, такимъ образомъ, все устраивается къ общему благополучію. Спрашивается, хорошо ли поступаетъ герой, выдавая правящуюся ему дѣвушку за нелюбимаго ею человѣка, притворяясь влюбленнымъ въ Ольгу и давая послѣдней завѣдомо ложную клятву въ томъ, что онъ неизмѣнитъ ей послѣ ея смерти. Повидимому, сравнительно не особенно дурныя средства должны бы освящаться здѣсь превосходнѣйшею цѣлью—доставить счастье людямъ. Эта цѣль героемъ разсказа дѣйствительно была достигнута. Самъ онъ наслаждался любовью двухъ красивыхъ дѣвушекъ и сдѣлался богачемъ, получивъ возможность оказывать матеріальную помощь нуждающимся, милліонеръ на старости лѣтъ пережилъ нѣсколько счастливыхъ минутъ съ Надей, Надя получила возможность пользоваться роскошью и комфортомъ и въ концѣ концовъ вышла замужъ за любимаго человѣка, Ольга предъ смертью наслаждалась жизнью съ дорогимъ лицомъ. Въ результатѣ получилось увеличеніе суммы человѣческаго счастья, тогда какъ если бы герой былъ болѣе разборчивъ въ средствахъ, считалъ бы не-

позволительными ложь и лицемеріе, это счастье не было бы достигнуто, а вмѣсто него дѣйствующія лица должны бы были испытать не мало страданій. Первый муж Нади сталъ бы мучиться отъ неудовлетворенной любви къ ней, Ольга по той же причинѣ, герой и Надя вслѣдствіе бѣдности и лишеній. Не смотря на все это, поведеніе главнаго дѣйствующаго лица разсказа не можетъ быть одобрено нашимъ нравственнымъ сознаниемъ и его понятія не могутъ быть признаны дѣйствительно «здравыми». Очевидно, что ко всему сказанному нами должны присоединиться еще нѣкоторыя условія, при наличности которыхъ ради достиженія какого либо блага позволительно допустить не совсѣмъ безупречный въ нравственномъ отношеніи поступокъ.

Для того, чтобы хорошая цѣль освящала дурное средство, необходимо, чтобы оно было *единственно возможнымъ* способомъ для достиженія блага, или устраненія зла, иными словами, чтобы принципъ: «цѣль оправдываетъ средства» совпадалъ съ другимъ принципомъ: «изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее». Хирургическая операція есть единственное средство избавить человѣка отъ страданій или смерти, насиліе надъ убійцей есть опять единственный путь спасти убиваемаго,—поэтому они воишь позволительны. «Всякій согласится, говорить Вл. Соловьевъ, что выбрасывать дѣтей изъ окошка на мостовую есть само по себѣ дѣло безбожное, безчеловѣчное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь младенцевъ изъ пылающаго дома, то это ужасное дѣло становится не только позволительнымъ, но и обязательнымъ. Никакого отступленія отъ нравственной нормы здѣсь нѣтъ, а есть только ея прямое приложеніе способомъ, хотя неправильнымъ и опаснымъ, но такимъ, однако, который въ силу реальной необходимости оказывается единственно возможнымъ *при данныхъ условіяхъ*» (т. VII стр. 398. СПБ. 1903 г.). Въ приведенномъ случаѣ соблюдены оба условія необходимыя для того, чтобы хорошая

цѣль освящала дурное средство: превосходство высоты цѣли надъ безнравственностью средства и единственность послѣдняго. Увѣче дѣтей, могущее произойти вслѣдствіе выбрасыванія ихъ на мостовую, есть меньшее зло, чѣмъ смерть въ пламени, а потому и позволительно употребить его ради спасенія ихъ жизни. Съ другой стороны, въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого другого пути избавить несчастныхъ отъ вѣрной гибели. Но само собою разумѣется, что если бы былъ возможенъ какой нибудь другой менѣе опасный способъ спасти ихъ отъ смерти, то выбрасываніе ихъ на мостовую съ этою хорошею цѣлью было бы дѣломъ безнравственнымъ. Равнымъ образомъ, если бы кто нибудь изувѣчилъ чужихъ дѣтей съ тою цѣлью, чтобы ихъ родители получили страховую премію и сдѣлались богатыми, то цѣль не могла бы оправдать средства, какъ потому, что безнравственность послѣдняго превосходила бы достоинство первой, такъ и потому, что эта цѣль, по всей вѣроятности, могла бы быть достигнута иными путями. Убийство злодѣя съ цѣлью спасти его жертву вполне позволительно, если нѣтъ другого способа для достиженія этой цѣли. Но если ея можно было бы достигнуть словомъ или простымъ насиліемъ, то лишеніе преступника жизни ни въ какомъ случаѣ не могло бы быть оправдано. Имѣя въ виду два установленныя нами условія и особенно послѣднее, можно разобрать во всѣхъ приводимыхъ нами примѣрахъ взаимоотношенія средствъ и цѣлей. Воровство съ цѣлью благотворительности или отнятіе имущества у богачей для улучшенія матеріальнаго состоянія бѣдняковъ не суть единственно возможныя средства для устроенія счастья нашихъ ближнихъ, а потому и не могутъ быть одобрены съ нравственной точки зрѣнія. Если бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ воровству или насилію, мы употребили все стараніе на изысканіе честныхъ путей къ осуществленію той же самой цѣли, то, быть можетъ, достигли ея и не прибѣгая къ дурному средству. Неужели Раскольниковъ не могъ оказать помощи сестрѣ и

матери иначе, чѣмъ чрезъ убійство старухи? Послѣдующія обстоятельства ясно показали, что это преступленіе не принесло имъ никакой пользы и что они и безъ него могли выйти изъ затруднительнаго положенія. Равнымъ образомъ и поведеніе героя «здравыхъ понятій» (помимо другихъ причинъ, о которыхъ скажемъ ниже) осуждается нами потому, что оно не было единственно возможнымъ средствомъ для устраненія большаго зла или достиженія блага, такъ какъ заботиться объ увеличеніи человѣческаго счастья можно и иными честными путями.

Такимъ образомъ, принципъ: «цѣль оправдываетъ средства» можетъ быть признанъ имѣющимъ моральный характеръ тогда, когда онъ совпадаетъ съ другимъ принципомъ: «изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее». Можетъ показаться, что между этими двумя принципами та разница, что первый освящаетъ преступленіе даже и тогда, когда несовершенство его не влечетъ за собою другого преступленія, а второй дозволяетъ его только въ томъ случаѣ, если по причинѣ несовершенія меньшаго преступленія неизбежно совершится большее. Но на самомъ дѣлѣ разницы здѣсь никакой нѣтъ. Представимъ себѣ, что кто нибудь, видя всѣмъ извѣстнаго негодяя, который рѣжетъ порядочнаго человѣка, можетъ спасти послѣдняго, только убивши перваго. Какимъ принципомъ будетъ руководствоваться онъ въ данномъ случаѣ: тѣмъ ли, что цѣль оправдываетъ средства, или же тѣмъ, что изъ двухъ золъ нужно выбирать меньше? По нашему мнѣнію, тѣмъ и другимъ, потому что оба эти принципа совпадаютъ. Убійство человѣка, хотя бы и дурного, само по себѣ есть зло, преступленіе. Но разъ оно совершено для устраненія большаго зла, явилось средствомъ для превосходнѣйшей цѣли, оно уже перестаетъ быть дурнымъ и становится обязанностью. Отрицаніе истинности этого послѣдняго положенія привело бы насъ ко многимъ нелѣпнымъ заключеніямъ. Чтобы это сдѣлалось для насъ яснымъ, посмотримъ на дѣло съ обратной

стороны, внутренно перемѣстивши отношеніе между цѣлью и средствомъ, большимъ и меньшимъ зломъ. Положимъ, видя, какъ злодѣй убиваетъ человѣка, мы изъ боязни причинить ему страданія насиліемъ, слѣдовательно, употребить дурное средство, проходимъ мимо. Что же выходитъ? То, что изъ дурнхъ золъ: причиненія небольшого страданія преступнику и насильственнаго умерщвленія невиннаго, мы свободно выбираемъ несравнимо большее. Можно сказать, что ради маленькой хорошей цѣли—сохранить личную неприкосновенность разбойника, мы рѣшаемся на чудовищно ужасное средство—убійство невиннаго человѣка. Въдъ въ данномъ случаѣ побужденіемъ къ тому, чтобы не вырвать жертву изъ рукъ убійцы, является опасеніе причинить страданіе послѣдному. Съ цѣлью устранить это страданіе мы рѣшаемся допустить убійство, какъ средство для достиженія этой цѣли. Когда мы выбрасываемъ дѣтей изъ пылающаго дома, то это является средствомъ для спасенія ихъ жизни. Но если бы мы, боясь употребить дурное средство для хорошей цѣли, дали имъ сгорѣть, то вышло бы, что съ цѣлью сохранить ихъ здоровье и тѣлесную неприкосновенность мы сожгли ихъ живыми.

Говорять, не въ нашей власти выбирать между двумя видами зла. Разъ волею провидѣнія должно совершиться большее зло, мы не имѣемъ права рѣшаться на меньшее для его устраненія. Пусть дѣти погибнуть въ огнѣ,—это воля Божія,—мы по крайней мѣрѣ не будемъ *активными* виновниками этого, тогда какъ если мы выбросимъ ихъ изъ окошка и причинимъ имъ увѣнне или смерть, то мы будемъ прямою причиною ихъ страданій и гибели.

Но если обращать вниманіе не на слова, а на сущность дѣла, то нужно согласиться, что между непротивленіемъ злу и дѣланіемъ его нѣтъ никакой разницы, обратимъ ли мы вниманіе на внутреннюю сторону дѣйствія—его мотивъ, или внѣшнюю—его результатъ. Такъ, на примѣръ, побужденіемъ къ тому, чтобы не выбросить во время пожара дѣтей изъ

окошка и допустить ихъ гибель въ пламени, очевидно, можетъ быть только отсутствіе любви къ дѣтямъ, при наличности которой всякій избралъ бы, конечно, то, что является для нихъ большимъ благомъ,—въ данномъ случаѣ спасеніе ихъ жизни. Послѣдствія непротивленія злу также совершенно одинаковы съ послѣдствіями активнаго дѣланія зла. Если во время пожара не выбросить дѣтей изъ окна, то они неминуемо должны сгорѣть, то есть, произойдетъ тоже самое, что произошло бы, если бы мы бросали ихъ въ огонь. Помимо жестокосердія и эгоизма можно допустить развѣ одну только причину предпочтенія большаго зла меньшему—это тупоуміе и полнѣйшую неспособность ориентироваться въ нравственной сферѣ. Только человѣкъ въ высшей степени морально неразвитый можетъ рѣшиться скорѣе допустить смерть невиннаго, чѣмъ насиліе надъ виновнымъ, скорѣе гибель дѣтей, чѣмъ ихъ страданія.

Наконецъ, послѣднимъ условіемъ для того, чтобы дурное средство могло быть освящено хорошею цѣлью, является *нравственное* отношеніе дѣйствующаго субъекта къ этому средству. Допуская его какъ единственно возможный исходъ для устранения большаго зла, человѣкъ долженъ сознавать, что оно само по себѣ всетаки дурно, долженъ печалиться и скорбѣть, что пришлось къ нему обратиться. Командующій войскомъ, посылая, положимъ, роту солдатъ на вѣрную гибель ради спасенія цѣлой арміи, долженъ дѣлать это съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, горечи и состраданія къ имѣющимъ погибнуть невиннымъ людямъ. Даже пораженіе враговъ въ военное время по настоящему должно бы было вызывать въ насъ смѣшанное чувство. Радуясь тому, что близится къ торжеству правое дѣло, что священная цѣль войны съ паденіемъ каждаго непріятеля становится все болѣе и болѣе осуществимой, мы должны сокрушаться о томъ, что гибнутъ люди, что имѣютъ мѣсто слезы, кровь и страданія. Убивая злодѣя съ цѣлью спасти его жертву, мы должны въ тоже

время жалѣть и преступника, любить въ немъ челоуѣка и мучиться отъ признанія необходимости прибѣгнуть къ столь ужасному средству какъ лишеніе его жизни. Выбрасывая дѣтей изъ окошка, съ пѣлюю извлечь ихъ изъ пламени, мы только въ томъ случаѣ будемъ правы, если наше сердце будетъ разрываться отъ любви и состраданія къ малюткамъ. Наоборотъ, если убивая на войнѣ врага, мы радуемся его смерти самой по себѣ или относимся къ нему совершенно равнодушно, если лишая жизни убійцу, мы дѣлаемъ это съ чувствомъ злобы и удовольствія, не только не жалѣя злодѣя, но даже радуясь его смерти и страданіямъ, если выбрасывая дѣтей изъ окошка, мы наслаждаемся умопредставляемымъ мученіемъ малютокъ и съ удовольствіемъ смотримъ, какъ они разбиваются о мостовую, то всѣ эти средства, хотя бы они и были единственно возможными для достиженія прекрасной цѣли, становятся безнравственными. Собственно говоря, въ такомъ случаѣ устраненіе большаго зла будетъ лишь объективнымъ результатомъ дѣйствія. Его истинною причиною явится не забота о благѣ ближняго, не любовь къ нему, а совершенно противоположныя побужденія: чувства злобы и мстительности, способность наслаждаться чужими страданіями и т. п.

Въ области этики не столько имѣеть значенія самый фактъ, сколько то душевное настроеніе, которымъ онъ сопровождается. Отсюда иногда одно и тоже дѣйствіе при одинаковости всѣхъ внѣшнихъ условій можетъ быть и нравственнымъ и безнравственнымъ, судя по индивидуальности дѣствующаго субъекта и достоинству тѣхъ психологическихъ мотивовъ, которыми опредѣляется его поведеніе. Эту внутреннюю сторону всякаго моральнаго акта необходимо имѣть въ виду и при оцѣнкѣ каждаго конкретнаго случая примѣненія на практикѣ разсматриваемаго нами принципа объ освященіи средствъ пѣлюю. Мы уже указывали на неодинаковое отношеніе нашего нравственнаго сознанія къ поступкамъ Сони и

Раскольниковъ въ «преступленіи и наказаніи». Причина этого помимо вышеуказанныхъ заключается въ различіи настроенія дѣйствующихъ лицъ. Для Раскольниковъ убійство старухи само по себѣ не представлялось дурнымъ. Она была въ его глазахъ поганою вошью, а не дорогимъ человѣческимъ существомъ. Выбирая дурное средство для хорошей цѣли, онъ не скорбѣлъ душою о томъ, что вынужденъ рѣшиться на это средство, не чувствовалъ любви и даже состраданія къ своей жертвѣ, не былъ проникнутъ сознаниемъ безнравственности убійства, а наоборотъ, считалъ себя въ правѣ устранить вредное существо съ дороги во имя правъ своей высшей аристократической натуры. Въ противоположность ему Соня сознавала, что она грѣшитъ, относилась къ избранному ею средству со стыдомъ и страданіемъ, которыя были побѣждены лишь еще большею любовью къ еще болѣе близкимъ людямъ. Наконецъ, не надо забывать, что Соня жертвовала собою, а Раскольниковъ другимъ человѣческимъ существомъ. Съ точки зрѣнія внутренняго настроенія получаютъ должное невыгодное освѣщеніе и дѣйствія героя «здравыхъ понятій». Побужденіемъ всѣхъ его поступковъ въ концѣ концовъ было эгоистическое стремленіе къ личному счастью. Допуская ложь и лицемеріе, онъ нисколько не сознавалъ, что эти средства сами по себѣ дурны, а наоборотъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто позволительное и хорошее. Не говоримъ уже о томъ, что самое счастье какъ свое, такъ и другихъ людей, понималось имъ слишкомъ внѣшнѣ, матеріально. А лишеніе такого счастья есть гораздо меньшее зло сравнительно съ тѣми дурными средствами, которыя были имъ употреблены для достиженія цѣли.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что дурное средство можетъ быть допущено для хорошей цѣли въ слѣдующихъ случаяхъ и при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) когда зло, которое произошло бы вслѣдствіе неосуществленія цѣли, превысило бы безнравственность самаго

средства (такъ было бы, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если бы мы, имѣя возможность спасти невинную жертву изъ рукъ злодѣя путемъ убійства послѣдняго, не рѣшились бы на такое, согласившись лучше допустить смерть невиннаго, чѣмъ виновнаго): 2) когда дурное средство является единственно возможнымъ для достиженія несравнимо превосходящей цѣли (когда, напримѣръ, спасеніе убиваемаго возможно только чрезъ умерщвленіе убійцы, образумить котораго нельзя ни словомъ, ни простымъ насиліемъ, или когда война является безусловно необходимой для спасенія отечества, осуществленія какой либо нравственной идеи или удовлетворенія справедливости); 3) когда допущеніе дурного средства сознается какъ печальная необходимость, сопровождается чувствомъ скорби и жалости (когда, напримѣръ, спасая жертву чрезъ убійство злодѣя, мы чувствуемъ состраданіе и къ послѣднему, сожалья, что пришлось прибѣгнуть къ такому средству). Можно сказать, что при соблюденіи всѣхъ этихъ условій самое средство перестаетъ быть дурнымъ и становится хорошимъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ оно можетъ быть разсматриваемо не изолированно, а въ связи съ цѣлью, какъ моментъ единаго и цѣльнаго нравственнаго акта.

II. Л.

Основные вопросы духовно-учебной реформы.

Окончаніе *).

VIII.

Но увеличеніе числа воспитателей, это одна только *внѣшняя* сторона дѣла. Дѣйствительно, для большаго количества воспитателей откроется большая возможность «всматриваться въ душу» воспитываемыхъ и нравственно воздѣйствовать на нихъ. Но дѣйствительно ли оно — это большее количество воспитателей — будетъ дѣлать это, т. е. всматриваться

*) См. № 22 1906 г.

въ душу воспитываемыхъ и пр., это зависитъ какъ отъ физической, такъ и, главнымъ образомъ, отъ нравственной возможности, иначе сказать—отъ способности воспитателей къ этому дѣлу и отсутствія условій, тормозящихъ его. Разсматривая съ этой стороны нашихъ воспитателей, мы должны прійти къ довольно неутѣшительнымъ выводамъ. Во первыхъ, *наши духовные воспитатели въ большинствѣ случаевъ мало соответствуютъ своему назначенію, во вторыхъ, условія для ихъ дѣятельности болшею частью не вполне благоприятны.*

Ближайшимъ образомъ дѣло воспитанія въ духовно учебныхъ заведеніяхъ поручено начальствующимъ, т. е. въ семинаріяхъ—ректору, инспектору, его помощникамъ и надзирателямъ, въ училищахъ—смотрителю, его помощнику и опять надзирателямъ.

Серьезныя и отвѣтственныя обязанности, возлагаемыя уставомъ на ректоровъ семинарій, даютъ основаніе предполагать, что лица, занимающія эти должности, отличаются педагогическою опытностью и знакомы съ хозяйственнымъ дѣломъ настолько, что могутъ обойтись безъ руководства эконома и не экономныхъ членовъ правленія. И такъ какъ опытность педагогическая и хозяйственная приобрѣтаются годами, то естественно думать, что на мѣста ректорскія въ семинаріяхъ назначаются лица, достаточно послужившія и потрудившіяся на учебно-воспитательномъ поприщѣ. Такъ, дѣйствительно, было въ старое время, когда послѣ десятка и болѣе лѣтъ службы въ должности преподавателя и инспектора семинарій, лица монашествующія назначались ректорами, такъ продолжалось и въ послѣдующее время, при кратковременномъ дѣйствіи выборнаго начала, дарованнаго семинаріямъ уставомъ 1867 г., такъ бываетъ и въ настоящее время при назначеніи на эти должности лицъ изъ бѣлаго духовенства или мірянъ. Но въ послѣднія двадцать лѣтъ дѣлаются постоянныя отступленія отъ установившагося порядка по отношенію къ лицамъ монашествующимъ. Едва молодой монахъ оставляетъ акаде-

мическую скамью, его назначают смотрителем училища или даже инспектором семинарии, а через два—три года возводят и на ректорство. Мало того—какойнибудь неудачник из учителей духовного училища или помощников инспектора семинарии принимает монашескую рясу, ему тотчас поручают административную должность в духовно-учебных заведениях. Чего нѣтъ ни в какомъ вѣдомствѣ, чего нельзя достигнуть и при всеильной у насъ протекціи, то в духовномъ вѣдомствѣ весьма легко достигается принятіемъ монашества. Полезно ли это для дѣла? Если молодой начальникъ, сознавая свою неподготовленность, дѣйствуетъ осмотрительно, прислушивается къ голосу опытныхъ и знающихъ членовъ корпораціи, то это еще благо. Но большею частью такіе начальники, вѣроятно для поддержанія своего авторитета, дѣйствуютъ слишкомъ самостоятельно, и, вопреки установившимся добрымъ порядкамъ, производятъ ненужную ломку. Несчастная у насъ привычка осуждать все, сдѣланное при предшественникѣ, нигдѣ въ такой грубой формѣ не проявляется, какъ в духовномъ вѣдомствѣ, не исключая и его высшихъ сферъ. Особенно это замѣтно бываетъ в учебныхъ заведенияхъ, когда послѣ ректора-протоіерея вступаетъ в управление ректоръ-архимандритъ. Начинается суетливость о поднятіи духовности, которая якобы находится в упадкѣ. подтягиваются учащіе и воспитывающіе, застрачиваются учащіеся, и, въ концѣ концовъ, водворяется разладъ в учебномъ заведеніи, готовый проявиться в нехорошей формѣ (см. «Къ вопросу о духовномъ оскудѣніи» в «Южномъ Краѣ» за 1905 годъ, № 44).

Да, монахи своей неподготовленностію и незнаніемъ жизни, своимъ нежеланіемъ или неумѣніемъ сообразоваться съ дѣйствительными, реальными условіями и нуждами ввѣряемыхъ имъ учебныхъ заведеній—принесли и приносятъ много зла послѣднимъ. Но даже в случаѣ благопріятнаго оборота дѣла, они не имѣютъ возможности осуществить его в налле-

жащей степени и мѣрѣ, благодаря кратковременному пребыванію на начальническомъ посту ¹⁾). А при отсутствіи осѣдлости, трудно разсчитывать произвести въ короткій срокъ основательную расчистку почвы и собрать плоды посѣва. Едва молодой монахъ успѣетъ присмотрѣться къ неприглядной обстановкѣ учебнаго заведенія и возымѣетъ благое намѣреніе произвести какія либо улучшенія въ дѣлѣ воспитанія, какъ получаетъ указъ о назначеніи на высшій постъ... Нѣтъ необходимости доказывать весь крайній вредъ такого явленія, не созидающаго, а скорѣе разрушающаго моральную сторону жизни учебныхъ заведеній. Впрочемъ, зачастую и свѣтскіе начальники послѣднихъ оказываются не на высотѣ своего положенія, своей задачи. Обычно, напримѣръ, на смотрительскій постъ въ училищахъ, кромѣ іеромонаховъ, назначаются пожилые (иногда престарѣлые) заслуженные преподаватели семинаріи. И что-же? Нерѣдко обнаруживается, что человекъ, зарекомендовавшій себя ученымъ трудомъ или какой нибудь другой заслугой въ должности преподавателя семинаріи, при вступленіи на должность смотрителя, теряется передъ многосложными, требующими практическаго смысла, обязанностями смотрителя, имѣющими мало общаго съ преподавательствомъ въ семинаріи.

Не имѣя желанія или достаточной энергіи и способности ориентироваться въ дѣлахъ и дать имъ должное направленіе, такой смотритель предается полному отдыху и бездѣйствію въ ожиданіи скорой выслуги пенсіи, считая свою карьеру законченной. Понятно, что дѣло воспитанія отъ этого мало выигрываетъ.

¹⁾ Въ цитированной уже нами статьѣ «Богословск. Вѣстника» («Къ вопросу о постан. воспит. въ дух. сем.») за Апр. 1905 г. приведены статистическія свѣдѣнія о смѣнахъ начальниковъ дух. учеб. заведеній, составленныя по официальнымъ даннымъ за послѣднее шестилѣтіе. Есть духов. семинаріи, въ теченіе 6 лѣтъ видѣвшія по 5 ректоровъ и по 4 инспектора и наоборотъ (стр. 784—485).

Не легче ему (дѣлу) и въ противоположномъ случаѣ, въ случаѣ «чиновничьей исполнительности смотрителей, излишней строгости ихъ контроля, излишняго ихъ недовѣрія къ подчиненнымъ, ихъ бюрократизма, вносящаго сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и «тѣмъ весьма повышающаго процентъ малоуспѣшности учащихся».

Но даже при наличности качествъ и условій, необходимыхъ для правильнаго и успѣшнаго веденія воспитательнаго дѣла, наши начальники едвали могутъ достигнуть этой цѣли, благодаря, во первыхъ, многосложности своихъ обязанностей— по училищно-семинарскому хозяйству, преподавательству, наблюденію за учителями и разнымъ общественнымъ дѣламъ епархіальнаго вѣдомства (предсѣдательству въ училищномъ совѣтѣ, цензорству Епархіальныхъ Вѣдомостей, проповѣдей и пр.), во вторыхъ,—сильному стѣсненію въ своей дѣятельности не только уставомъ и разными указами и циркулярами, но и широкимъ вмѣшательствомъ епархіальной власти и ревизоровъ.

Въ тѣхъ же самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находятся инспектора семинарій и помощники смотрителей училищъ; послѣдніе нерѣдко только исполнители распоряженій начальника учебнаго заведенія. При стремленіи ихъ (инсп. сем. и помощн. смотр. уч.) къ независимости въ завѣдываніи своею частью, между училищно-семинарскими начальствами возникаетъ антагонизмъ, вредно отражающійся на учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ.

Что сказать о качествахъ этихъ *спеціальныхъ представителей и руководителей воспитательнаго дѣла въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.*

Я не знаю, чѣмъ руководятся у насъ при опредѣленіи на должности инспекторовъ въ духовныя семинаріи или помощниковъ смотрителей въ духовныя училища, но, судя по тому, каковы обыкновенно бываютъ у насъ эти лица, являющіяся главными виновниками семинарскихъ безпорядковъ и «исторій»,—думаемъ, что также какъ и въ дѣлѣ назначенія

ихъ помощниковъ и надзирателей, чѣмъ угодно, только не педагогическо-воспитательными соображеніями. Обыкновенно инспекторами семинарій и помощниками смотрителей духовныхъ училищъ, кромѣ монаховъ, назначаются наиболѣе прижимистые и ловкіе изъ карьеристовъ преподавателей (семинаріи или училища, смотря по роду учебнаго заведенія), видящіе, подобно Флакману ¹⁾ весь смыслъ воспитанія во внѣшнемъ порядкѣ и дисциплинѣ и все спасеніе въ дѣлѣ поднятія нравственности учениковъ въ буквальномъ выполненіи ими «правиль поведенія» и въ разнаго рода репрессаліяхъ, а на помощниковъ своихъ смотрящіе, какъ на лакеевъ, долженствующихъ творить только то, что они прикажутъ. Каковы результаты подобнаго руководительства воспитаніемъ, мы уже видѣли, а отчасти сейчасъ еще увидимъ,— на помощникахъ инспектора семинаріи, этихъ, наравнѣ съ учителями духовныхъ училищъ, злосчастныхъ пасынкахъ духовной школы.

Назначаемые на должность со школьной скамьи, совершенно неподготовленные ни теоретически, ни практически, притомъ безъ сколько нибудь серьезнаго выбора (назначаютъ руководясь либо мѣстомъ, занимаемымъ ими въ разрядномъ спискѣ,—чѣмъ ниже, тѣмъ пригоднѣе для роли помощника, либо же просто необходимостью замѣщать кѣмъ либо свободныя помощническія вакансіи), эти лица являются на своемъ посту совершенно случайными людьми, не имѣющими и не могущими имѣть никакого значенія и авторитета въ воспитательномъ дѣлѣ. Полная зависимость ихъ отъ инспектора и «инструкціи», лишаящая ихъ всякой инициативы и самостоятельности въ дѣйствіяхъ, восполняетъ и усугубляетъ это печальное положеніе нашихъ помощниковъ инспектора. Вся забота такихъ, лишенныхъ самостоятельности и инициативы, воспитателей состоитъ только въ соблюденіи и поддержаніи

¹⁾ Главный персонажъ въ комедіи Эрнста «Флакманъ-воспитатель», завѣдующій школой. О его школьно-педагогическихъ требованіяхъ и взглядахъ см. въ статьѣ: «Драма учительской жизни», «Вѣстникъ Воспитанія» 1901 г. № 6, стр. 30—34.

status quo того внѣшняго порядка, который существовалъ до нихъ,—чтобы не произошло нарушенія учащимися установленныхъ требованій, а разъ это произошло,—чтобы были извѣстны виновные и пр. Все это, вмѣстѣ съ господствомъ совершенно ложнаго и антипедагогическаго принципа «возмездія» и наказанія за совершенный проступокъ и безпривіемъ помощника, доставляя послѣднему массу ненужныхъ хлопотъ и непріятностей, еще больше подливаетъ масла въ огонь, прибавляетъ горячаго матеріала въ порошокъ ученическаго недовольства семинарскими порядками, начальствомъ и пр., ведущаго къ беспорядкамъ...

Гь числу неблагопріятныхъ сторонъ помощнической службы въ семинаріи нужно отнести также, во первыхъ, *незавидность внѣшняго, особенно служебнаго*, положенія помощниковъ, которые не только не имѣютъ служебно-юридическихъ прерогативъ преподавателей семинаріи и даже учителей училища (должность—9 класса, участіе въ педагогическихъ собраніяхъ—безъ права голоса), но и ограничены больше ихъ въ движеніи по службѣ: въ то время, напримѣръ, какъ преподаватель семинаріи можетъ рассчитывать на полученіе смотрительства въ училищѣ и инспекторства въ семинаріи, а учитель училища—преподавательства въ семинаріи и помощничества, или инспекторства въ училищѣ,—у помощника инспектора, имѣющаго наибольше *нравственныхъ* правъ на занятіе высшихъ воспитательскихъ должностей въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, виднѣтся гдѣ то въ туманной дали... только учительство въ духовныхъ училищахъ (рѣдко—преподавательство въ семинаріи), во вторыхъ, неудобства квартирнаго надзора за воспитанниками, сопряженнаго съ большими трудностями и даже опасностями (ночью, въ стужу, въ слякоть), и при всемъ томъ почти нисколько не достигающаго своей цѣли... ¹⁾. Однимъ словомъ, помощническая служба

¹⁾ Надзоръ за живущими на квартирахъ, говорилъ одинъ педагогическій писатель, почти фиктивенъ, потому что частыя ревизіи

въ семинаріи, даже и въ ея сравнительно улучшенномъ видѣ, не представляетъ особаго лакомства. И всякій, назначенный на эту должность, при первомъ же удобномъ случаѣ старается убраться съ нея—куда нибудь подальше. При подобномъ же положеніи едвали можетъ быть рѣчь о сколько нибудь правильномъ, нормальномъ воспитаніи учащихся. Едвали могутъ относиться съ любовью къ дѣтямъ и къ своему дѣлу тѣ, которые поставлены въ условія *злыхъ наемниковъ* его... О воспитательской роли надзирателей (дух. сем. и училищъ) почти не можетъ быть и рѣчи. Эта должность такъ нищенски оплачивается и такъ неудовлетворительно поставлена въ служебномъ отношеніи, что занимають ее окончившіе курсъ семинарій единственно за неимѣніемъ лучшаго, чтобы избавиться отъ военной службы и высмотрѣть исподоволь приличное священническое мѣсто..

IX.

Итакъ, вотъ какова наша педагогія... Оставить дѣло такъ нельзя. Нужно его измѣнить, улучшить—во главѣ и членахъ, начавъ хотьбы съ послѣднихъ.

Что же дѣлать, какъ достигнуть того, чтобы нашъ низшій воспитательскій персоналъ, наши помощники инспектора и надзиратели,—если таковые уцѣлѣють, соотвѣтствовали своему назначенію, относились къ своему дѣлу разумно, сознательно и съ любовью? Прежде всего, необходимо *призваніе*. «Единственнымъ побужденіемъ, мотивомъ къ занятію учительской и воспитательской должности, по единодушному признанію всѣхъ педагоговъ, должно служить *внутреннее* влеченіе, склонность, расположеніе, любовь къ своему дѣлу, дѣтямъ» ¹⁾.

ихъ инстанцій физически невозможны, и, кромѣ того, эти ревизіи сами по себѣ не дають прочной гарантіи того, что воспитанники не станутъ злоупотреблять своимъ свободнымъ временемъ: какъ только ушло начальствующее лицо, воспитанникамъ предоставляется полная свобода дѣлать что угодно и идти куда угодно» (см. ст. «Духовные воспитатели» въ «Церковн. Вѣстн.» 1904 г. № 25).

¹⁾ См. Наши «Пасынки духовной школы», «Русская Школа» 1904 г. № 11. 136, примѣч.

Потомъ соотвѣтствующая *педагогическая подготовка*, о ней же, какъ и вообще объ образованіи низшаго воспитательскаго персонала нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, одинаковомъ съ таковымъ же проэктируемыхъ нами учителей духовныхъ училищъ, см. цитированной нами сейчасъ статьи соотвѣтствующія страницы.. По окончаніи педагогическихъ курсовъ, абитуриенты ихъ назначаются помощниками инспектора семинаріи и училища и проходятъ свое воспитательское поприще на первыхъ порахъ подъ руководствомъ своихъ старшихъ, болѣе опытныхъ, коллегъ по профессіи ..

Такіе помощники инспектора вмѣстѣ съ тѣмъ могли бы быть и *лучшими преподавателями педагогики* и другихъ, соприкосновенныхъ съ нею, наукъ въ семинаріи. Да и помимо этого, просто въ интересахъ воспитательской службы и дѣятельности помощниковъ, какъ это выяснено нами въ тѣхъ же «пасынкахъ»: важно было бы соединить ее (должность поощ. инспект.) съ преподавательствомъ, именно съ преподаваніемъ такихъ предметовъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе и связь съ дѣломъ воспитанія, каковы: психологія, педагогика (дидактика и методика для учит,) Впрочемъ, какъ бы ни былъ хорошо поставленъ и приспособленъ въ педагогическомъ отношеніи помощникъ, положеніе и дѣятельность его, какъ воспитателя, едвали достигнуть желаемаго идеала, если онъ на каждомъ шагѣ будетъ встрѣчать противодѣйствія, стѣсненія, ограниченія — въ видѣ ли обязательныхъ параграфовъ, пунктовъ «инструкціи», «правилъ», или личныхъ (а потому зачастую и произвольныхъ) распоряженій самого принципала, инспектора. Почему для вящшаго улучшенія участи помощника и его дѣятельности, онъ долженъ быть освобожденъ отъ излишней, подробной, мелочной часто до скрупулезности, регламентаціи своихъ воспитательскихъ обязанностей и дѣйствій и таковой же зависимости отъ инспектора, ему должно быть предоставлено больше правъ, свободы, самостоятельности

и инициативы въ дѣйствіяхъ, относящихся до воспитанія ¹⁾. Только при такомъ условіи помощникъ инспектора—воспитатель можетъ работать съ любовью, сознательно, а слѣдовательно, и продуктивно, можетъ быть добрымъ пастыремъ воспитательнаго дѣла, знающимъ своихъ овецъ—питомцевъ и заботящимся объ ихъ нуждахъ, а потому и любимымъ ими, а не злымъ наемникомъ, небрегушимъ объ нихъ и пр.

Справедливо было бы улучшить и внѣшне—служебное положеніе воспитателей второго ранга, во первыхъ,—увеличеніемъ ихъ матеріальнаго обезпеченія, во вторыхъ, уравненіемъ ихъ въ правахъ съ преподавателями и предоставленіемъ имъ, въ случаѣ заявленія ихъ себя опытными воспитателями, болѣе широкой самостоятельной сферы воспитательской дѣятельности, въ видѣ инспекторства въ семинаріи и училищѣ..

Для устраненія неудобствъ квартирнаго надзора, въ интересахъ какъ самихъ воспитателей, такъ и, главнымъ образомъ, воспитательскаго дѣла, нужно бы, по нашему мнѣнію, совсѣмъ уничтожить жительство воспитанниковъ на частныхъ квартирахъ и водворить ихъ въ казенное помѣщеніе, въ интернатъ. А чтобы избѣжать скученности и другихъ непривлекательныхъ сторонъ интернатской жизни, необходимо устроить ее на совершенно иныхъ сравнительно съ теперешними началахъ и основаніяхъ, приближающихъ ее къ семейной жизни и обстановкѣ (см. объ этомъ въ ст.: «Жизнь въ общежитіяхъ», «Церковный Вѣстникъ» 1905 года. № 35).

Нечего и говорить о томъ, что большая часть предъявленныхъ требованій и пожеланій имѣеть одинаковую силу и

¹⁾ Авторъ цитированной уже нами статьи «О духовныхъ семинаріяхъ», говоря о необходимости привлечь къ дѣлу воспитанія и преподавателей, находитъ цѣлесообразнымъ совсѣмъ освободить ихъ отъ инспекціонной зависимости и подчинить ответственности передъ педагогическимъ совѣтомъ или правленіемъ. «Отвѣтственность же преподавателя передъ однимъ лицомъ, ректоромъ или Епархіальной властью, сдѣлаетъ предоставленныя ему полномочія фиктивными и заставитъ его относиться къ своимъ воспитат. обязанностямъ чисто формально»...

по отношенію къ воспитателямъ изъ преподавателей, буде таковыя замѣнять собою нынѣшнихъ помощниковъ инспектора и надзирателей. .

Мы такъ сравнительно много удѣлили вниманія воспитательской службѣ и дѣятельности низшаго ранга въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ потому, что нашли въ ней наиболѣе разнаго рода дефектовъ и недочетовъ, тѣмъ болѣе нежелательныхъ, что она играетъ очень важную роль въ дѣлѣ воспитанія: непосредственными, фактическими, реальными, а потому и настоящими воспитателями нашего духовно учащагося юношества и дѣтей является въ сущности низшій воспитательскій персоналъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, и потому весьма желательно, важно и необходимо, чтобы этотъ персоналъ стоялъ на высотѣ своего призванія. Будетъ ли онъ стоять или нѣтъ,—это зависитъ какъ отъ осуществленія предъявленныхъ нами къ помощнической службѣ и дѣятельности требованій и пожеланій, такъ и отъ качествъ руководителей воспитательнаго дѣла въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Каковы же должны быть эти руководители? Инспекторами семинарій, какъ и помощниками смотрителей духовныхъ училищъ, по нашему мнѣнію, должны быть назначаемы люди, заявившіе себя особенными, выдающимися способностями и опытностью въ педагогическомъ, особенно воспитательномъ дѣлѣ, прошедшіе съ успѣхомъ не только искусь *спеціально педагогическаго* образованія, но и *низшія стадіи воспитательской должности*, побывавшіе въ помощникахъ инспектора семинаріи или надзирателяхъ духовнаго училища, притомъ, гуманные, широко смотрящіе на дѣло воспитанія и понимающіе его. Только такіе люди и могутъ быть на своемъ мѣстѣ въ должности инспекторовъ семинаріи и помощниковъ смотрителей духовнаго училища—истинными руководителями воспитательскаго дѣла и своихъ младшихъ собратьевъ,—помощниковъ инспектора и надзирателей, заботящимися о *душѣ*, а не о *буквѣ* закона, не *угашающими духа*—гдѣ бы и въ комъ бы онъ ни проявлялся...

X.

О ректорахъ семинаріи и смотрителяхъ училища нечего уже и говорить. Тутъ должно быть наименьше мѣста случайности и ярлыку. «Если, какъ можно судить по журнальнымъ статьямъ, въ настоящее время раздаются, мольбы на педагогическую неподготовленность многихъ преподавателей среднихъ школь, то не тѣмъ ли болѣе нужно заботиться объ этой подготовленности по отношенію къ лицамъ, которымъ ввѣряется высшій контроль надъ цѣлымъ педагогическимъ персоналомъ заведенія, которымъ ввѣряется судьба сотенъ дѣтскихъ душъ, съ самыми разнообразными характерами и склонностями, съ горящими огнемъ всевозможными духовными запросами и стремленіями, и притомъ въ такое смутное и критическое время, какое переживаемъ теперь?». Цѣлесообразнѣе всего начальниками духовно-учебныхъ заведеній назначать не монаховъ, а лучшихъ изъ бѣлаго духовенства (священниковъ и протоіереевъ) академистовъ, отличающихся какъ педагогической опытностью (непремѣнно служившихъ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ), такъ и практическо-административно-организаторскими талантами, любящихъ и преданныхъ своему дѣлу. Только такія лица могутъ быть не случайными и не временными гостями на своемъ посту, а органически и крѣпко связанными съ ними, видящими въ своей новой карьерѣ единственно важную и достойную цѣль, завершеніе своей служебной карьеры и дѣятельности и потому желающими и стремящимися принести на служеніе ему всѣ свои дарованія и силы, всю жизнь... На смотрительскую должность, кромѣ того, можно ставить такихъ же, т. е. практически опытныхъ въ педагогіи и администраціи (хозяйствѣ тожъ), заслуженныхъ лицъ изъ учителей—воспитателей только не семинаріи (какъ теперь), а училища. Большая ошибка—назначеніе смотрителями преподавателей семинаріи, не только не при-

выкшихъ къ обращенію съ дѣтьми, но и не видавшихъ, можетъ быть, совсѣмъ духовныхъ училищъ (послѣ ученическихъ годовъ) съ ихъ особымъ, отличнымъ отъ семинарій, строемъ, укладомъ жизни,—какъ учебно-воспитательной, такъ и административно-хозяйственной. Только тѣхъ, кто непосредственно связанъ былъ съ училищемъ, жилъ его интересами, чувствами, мыслями, кто знаетъ дѣтей, можетъ быть дѣйствительнымъ и полезнымъ руководителемъ, начальникомъ духовнаго училища... Затѣмъ въ видахъ успѣшнѣйшаго отправленія своихъ прямыхъ обязанностей (а такихъ какъ у инспектора или помощника смотрителя, такъ и особенно у ректора или смотрителя,—очень немало: одинъ надлежащій контроль за учебной и воспитательной частями—чего стоитъ!), начальники нашихъ духовно-учебныхъ заведеній и ихъ ближайшіе помощники должны быть освобождены во первыхъ отъ побочныхъ, не связанныхъ съ существомъ ихъ дѣла, обязанностей, даже такихъ, напримѣръ, какъ уроки (послѣдніе цѣлесообразнѣе всего предоставить особымъ преподавателямъ, которыхъ такъ много теперь сидитъ безъ дѣла) ¹⁾. Кромѣ того, тѣмъ и другимъ должно быть предоставлено больше свободы, самостоятельности и независимости, инспекторамъ семинаріи и помощникамъ смотрителей духовныхъ училищъ—отъ начальниковъ сихъ заведеній, послѣднимъ—отъ архіерейской власти, ревизио

¹⁾ Нѣкоторые ходятъ желательнымъ тоже сдѣлать и по отношенію къ завѣдыванію хозяйственной частью семинаріи (и училищъ?), которое «цѣлесообразнѣе было бы возложить на особый попечительный совѣтъ, какъ это существуетъ въ коммерческихъ училищахъ вѣдомства минист. финансовъ. Этотъ совѣтъ долженъ бы былъ состоять изъ представителей мѣстнаго духовенства, преимущественно изъ родителей воспитывающихся. Кому естественнѣе всего позаботиться о пищѣ, одеждѣ и жилищѣ семинаристовъ, какъ не ихъ родителямъ, которые изыскиваютъ и средства на ихъ содержаніе? Къ тому же, среди нихъ всегда найдутся и люди очень опытные въ этомъ дѣлѣ. Высшаго образованія, а тѣмъ болѣе богословскаго, для веденія хозяйства, конечно, не требуется» («Къ вopr. о пост. д. восп. въ семинар.» Бог. В » 1905 г., Apr.).

ровъ и циркулярвъ, въ своихъ дѣйствіяхъ. Самый способъ замѣщенія начальственныхъ постовъ, въ интересахъ дѣла, долженъ быть измѣненъ.

По уставу Центральное Управление при замѣщеніи начальственныхъ должностей въ семинаріяхъ опирается на представленія мѣстныхъ архіереевъ, «но на что должны опираться сами архіереи? На собственное усмотрѣніе? А пора очень жаркая и даже опасная. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя ставить благосостояніе всего учебнаго заведенія въ зависимость отъ взглядовъ и усмотрѣнія одного лица, хотя бы и облеченнаго епископскимъ саномъ. Это благосостояніе создается, главнымъ образомъ, трудами преподавателей; имъ то, особенно при соединеніи преподавательства съ воспитательствомъ, и долженъ быть поѣтому предоставленъ первый голосъ при назначеніи начальственныхъ лицъ въ семинарію. Только этимъ путемъ можетъ быть обезпечено то, что на отвѣтственные должности ректора и инспектора и будутъ назначаться дѣйствительно способныя и достойныя лица, за которыхъ ручается цѣлая коллегія преподавателей».

Поѣтому, для блага семинарій и духовныхъ училищъ необходимо, чтобы архіереи при своихъ представленіяхъ кандидатовъ на начальственныя должности руководились не однимъ только личнымъ усмотрѣніемъ, но также и мнѣніемъ правленія сихъ заведеній, для чего имъ (правленіямъ) должно быть возвращено право выбирать своихъ кандидатовъ на должности инспекторовъ и начальниковъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ это было по уставу 1867 года.

Таковы, въ общемъ, главныя условія успѣшнѣйшаго выполненія нашими педагогами своей, дѣйствительно, нелегкой миссіи. Но, какъ бы ни были совершенны эти условія, каждый въ отдѣльности педагогъ не можетъ сдѣлать того, что могутъ сдѣлать нѣсколько, цѣлое собраніе педагоговъ (умъ хорошо—а два лучше), равно какъ никакія пособія и ру-

ководства по педагогикѣ не дадутъ ему того, что можетъ дать живое общеніе, живой обмѣнъ съ другими, болѣе опытными, коллегами, и потому *коллективная дѣятельность педагоговъ, коллективное обсужденіе педагогическихъ вопросовъ, выражающееся какъ въ домашнихъ «педагогическихъ собраніяхъ», такъ и въ педагогическихъ сѣздахъ, является послѣднимъ, завершающимъ* условіемъ успѣшной постановки учебно-воспитательнаго дѣла. Какъ эти собранія и сѣзды должны быть наилучше организованы, мы не будемъ говорить, объ этомъ кое что сказано уже ¹⁾, замѣтимъ только, что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, ощущается настоятельная, неотложная нужда въ коллективномъ умѣ педагоговъ, въ общемъ ихъ собраніи, *во всероссійскомъ сѣздѣ педагоговъ духовно-учебныхъ заведеній*, и безъ него нечего и думать о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени нашей, изнемогающей уже давно въ канцелярскихъ комиссіяхъ, злосчастной духовно-учебной реформы...

И. Я.

Опека разума.

Что ни говорите, а если нашему духовенству дать возможность не только рождать идеи, но и воплощать въ дѣйствительность, если, говорю дать право самому духовенству разбираться въ своей внутренней и внѣшней жизни, то не было бы того плачевнаго положенія, въ которомъ оно теперь находится, не было бы того ревматизма, отъ котораго оно хромаетъ на обѣ ноги. Но въ томъ то и горе, что на духовенствѣ до настоящаго времени тяготитъ опека со стороны (чиновъ) духовныхъ чиновниковъ или лучше сказать чинов-

¹⁾ См. ст.: „Новая формула 92 и 32 ст. учил.-сем. уст.“ и „О взаимн. отношеніяхъ дух. сем. и учил.“ („Богосл. Вѣстникъ“ за 1903 и 1904 г.г.) и „Церковн. Вѣстникъ“ за 1904 (№ 5), 1905 (№ 38) и 1906 г.г. (№№: 1, 15 и др.).

никовъ В. Пр. И., безразлично во фракѣ или рясѣ, которые въ корнѣ губятъ всякую самостоятельную мысль духовенства. И какъ опека земскихъ начальниковъ надъ крестьянами принесла горькіе плоды, надолго убивъ самодѣятельность крестьянъ такъ и опека со стороны чиновниковъ В. Пр. И. внесла полнѣйшій разладъ во внутреннюю жизнь духовенства. Стоитъ только вспомнить сколько прекрасныхъ—возвышенныхъ идей дало духовенство за послѣднее время и какъ онѣ погибли, не успѣвши разцвѣсть. Возьмемъ прекрасную по идеѣ пенсіонно-вспом. кассу. А что можетъ быть лучше этого учрежденія, дающаго возможность свободно работать на полѣ церковно-общественной жизни? Я помню прекрасно ту радость и бодрость, которая охватила сельское духовенство при появленіи на свѣтъ новорожденной пенс.-всп. кассы. Всѣ протянули къ ней свои руки, свои надежды. Но, увы. Надежламъ не суждено было сбыться, пришлось стыдливо руки убрать

Мѣстная центральная власть поставила во главѣ этого учрежденія двухъ чиновниковъ В. Пр. И.; эти люди прежде всего по горло завалены были своими личными и семейными обязанностями, онѣ совершенно неинтересовались жизнью самого духовенства, а потому и довели дѣло до того, что часть духовенства бросила свое участіе, а другая и не приступала къ участію. Вспомните, что говорили при учрежденія этой кассы. «Какъ только соберется пятьсотъ тысячъ, такъ и будемъ полностью выдавать» И чтоже вышло. До 20-ти лѣтъ прошло со дня учрежденія кассы, а несчастные сироты до сихъ поръ получаютъ вмѣсто 300—150 р., вмѣсто 120—60 р. Не возьметъ ли васъ послѣ сего разочарованіе и отчаяніе? Какой смыслъ вносить кровныя деньги, которыя пойдутъ не на свое первое назначеніе—утирать слезу сиротъ? А какое дѣло до сиротъ голодныхъ правителямъ п.-всп. кассы, если у нихъ и сытый обѣдъ и теплый уголь. А если бы во главѣ этого

учрежденія стояли сельскіе батюшки, прекрасно понимавшіе своего брата, если бы безъ согласія самого духовенства ни одна копейка не расходовалась, то ничего подобного не было и наши сироты не бѣдствовали бы. П.-всп. кассѣ нужно было въ полнотѣ использовать свое назначеніе и оно было бы использовано, если бы не было опеки разума. Второю родною сестрой п.-всп. кассы является попечительство о бѣдныхъ дух. званія. Оно также древнее, какъ и сама епархія. Но что оно сдѣлало, въ чемъ проявило свою дѣятельность. Кажется въ томъ, чтобы собрать побольше денегъ. Развѣ это помощь—дать вдовѣ пономаря 20 руб. за 7 г., или дать псаломщ. III—ву 15 руб. на леченіе, когда онъ сломалъ себѣ ногу при исполненіи своихъ обязанностей? А вѣдь суммы громадныя идутъ, а расходуются словно валеріановыя капли. Имѣетъ ли духовенство доступъ въ это учрежденіе? Никакого. И здѣсь совершается, опека дающая себя знать. Необходимо влить новую свѣжую струю воздуха въ это учрежденіе, поставить во главѣ этого дѣла людей идейныхъ, сильныхъ и молодыхъ духомъ и энергіей, сдѣлать ихъ отвѣтственными предъ духовенствомъ, словомъ реформировать его, тогда и будетъ дѣло, а пока горе.

Третьей сестрой и младшей двухъ вышеуказанныхъ учрежденій является похоронная касса, которая не достигнувъ зрѣлости умерла отъ скоротечной чахотки. Она собиралась другихъ хоронить, но сначала показала примѣръ на себѣ. Гдѣ она есть? Инициаторъ ея, многоуважаемый о. Преобра. женскій, сообщите хотя Вы, гдѣ она, и существуетъ ли она?

Но фактъ на лицо—ея нѣтъ. Пока она разсматривалась духовенствомъ детально, она существовала, но какъ только она перешла въ славный градъ Екатеринославъ, исчезла въ прозрачныхъ волнахъ сѣдаго Днѣпра. И здѣсь нахожу я ту же самую причину. И такъ, снимите опеку удалите плен-

ки и свивальники, возвратите духовенству соборность, дайте ему свободу правдиваго слова, и надъ православно русской землей снова покажется лучезарное солнце.

Свящ. П. Д. Ч.

Отвѣтъ на статью «Предсѣдатель въ трехъ лицахъ».

Есть русская пословица: «коня бойся сзади, собаку спереду, а человѣка со всѣхъ сторонъ». Не предвидя, что въ средѣ членовъ экзаменаціонной комиссіи при Голубовской церк.-прих. школѣ находится авторъ статьи «Предсѣдатель въ трехъ лицахъ», помѣщенной на страницахъ Епарх. Вѣдом. отъ 1 іюня 1906 года, я очень сожалѣю, что не могу припомнить подробно всѣхъ отвѣтовъ ученицы Николаевской женской церк.-прих. школы Д—ой, которая больше всего дала поводъ почтенному іерею отцу Д. П—ву вылить на меня ушатъ грязи, какъ на предсѣдателя этой комиссіи. Помню лишь тотъ фактъ, что о. Д. П—въ во время письменнаго экзамена обратившись ко мнѣ сказалъ, что ученица Д—ва очень плохая и едва ли напишетъ удовлетворительно диктовку, но ее нужно выпустить, въ противномъ случаѣ она опять поступитъ въ школу, а «мнѣ надоѣло съ ней возиться». Признаюсь, что просьба человѣка, ратующаго за справедливость, показалась мнѣ странной, почему я и сказалъ, что ни съ моей, ни со стороны г.г. членовъ комиссіи, надѣюсь, препятствій не будетъ къ выпуску, если ученица Д—а будетъ того достойна, а если вы увѣрены въ ея неподготовленности, то зачѣмъ было и представлять ее къ экзамену. «Да она мнѣ надоѣла», отвѣтилъ завѣдующій и законоучитель Николаевской женской школы о. Д. П—въ,

а ходить въ школу, если ее не выпустимъ, она будетъ и годъ и два безъ надежды приобрѣсти больше тѣхъ знаній, которыми она обладаетъ въ настоящее время. Исполни справедливую просьбу о. Д. П—ва, не потерялъ бы я въ глазахъ его репутаціи добраго, гуманнаго и отзывчиваго чело­вѣка, каковымъ онъ зналъ меня 4 года тому назалъ. При­ходится только объ этомъ пожалѣть! Когда окончился пись­менный экзаменъ, я приступилъ къ просмотру работъ учени­ковъ. Дошло дѣло до работы ученицы Д—ой. Оказалось, что Д—ва сдѣлала въ диктовкѣ 28 ошибокъ, не считая знаковъ препинанія.

Сейчасъ же всталъ предо мной вопросъ что дѣлать? Удовлетворить просьбу завѣдующаго постановкой удовлетвори­тельнаго балла и тѣмъ самымъ избавить его отъ нежелатель­ной ученицы, я чувствовалъ несправедливымъ; удовлетво­рить—значить вызвать неудовольствіе со стороны о. Д. П—ва. Но чувство сознанія справедливаго отношенія къ возложеннымъ на меня обязанностямъ Отдѣленіемъ Совѣта пересилило опасеніе неудовольствія со стороны о. П—ва и я поставилъ Д—ой баллъ 2. Смотрю—и рука о. П—ва и учителя діакона А. П—го, какъ данная Богомъ творить справедливыя дѣла, поставили тоже по 2. Я удивленъ справедливой оцѣнкой работы Д—ой законоучителемъ и учи­телемъ. Но удивленію моему въ скорости былъ положенъ ко­нецъ. Грѣшная мысль, что съ Д—ой придется возиться еще нѣсколько лѣтъ, а она и безъ того надоѣла, заставила, не смотря на множество ошибокъ, какъ о. П—ва, такъ и учителя П—го переправить (рѣзкое единомысліе) баллъ 2 на 3 и словами подписать «три». (Работу эту можно видѣть въ дѣлахъ отд. за 1906 г.). Таже самая ученица, давая очень слабые отвѣты по Закону Божію, не могла по ариеме­тикѣ рѣшить ни одной устной задачи, кажется, въ предѣлахъ

не болѣе, какъ первыхъ 3—4 десятковъ, и дала, насколько помнится, одинъ только отвѣтъ на вопросъ, предложенный къмъ то изъ членовъ комиссіи: сколько будетъ 2×2 ? Но уже этотъ самый вопросъ говорить только о томъ, что въ постановкѣ неудовлетворительнаго балла не можетъ быть сомнѣній, а тѣмъ болѣе возраженій. И дѣйствительно, когда Д—ой былъ поставленъ баллъ 2, то возраженій не послѣдовало ни со стороны какъ о. Д. П—ва, такъ и учителя діакона А. Б—го и другихъ членовъ комиссіи, которые, зная свое право въ данномъ случаѣ, всегда могли бы воспользоваться имъ. А самъ я не смѣлъ даже и подумать, чтобъ ктонибудь изъ комиссіи могъ подать голосъ за постановку удовлетворительнаго балла, на столько были плохи познанія Д—ой по ариѳметикѣ. Не мало приходится удивляться смѣлости о. Д. П—ва брать на себя печатно защиту ученицы, малоуспѣшность которой имъ же самимъ была засвидѣтельствована еще до экзамена. Что же касается до ученика Губинихской школы грамоты, котораго, по выраженію о. П—ва былъ красой школы, то эта краса простояла у доски $\frac{1}{2}$ часа не могла рѣшить (жаль, что не помню № задачи) довольно несложной задачи, ибо при выборѣ задачъ я всегда избѣгаю сложныхъ задачъ, и прежде чѣмъ предложить ученику ту или иную задачу я имѣю обыкновеніе спросить учителя: можетъ ли ученикъ рѣшить предлагаемую задачу? Такъ было и въ данномъ случаѣ. Учитель, давъ утвердительный отвѣтъ на мой вопросъ, очевидно ошибся въ способностяхъ ученика. Тотъ же самый ученикъ, не рѣшивъ письменной задачи, былъ спрошенъ и устно. На всѣ ли вопросы давалъ онъ отвѣты— не помню, помню только, когда знаніе его было оцѣнено балломъ три, то противъ такой оцѣнки запротестовалъ только одинъ учитель. Когда же я, по окончаніи экзамена, предложилъ дать добавочный экзаменъ этому ученику по ариѳмети-

къ, то всѣ члены комисіи въ томъ числѣ и о. П—въ противъ моего предложенія запротестовали, почему баллъ Э остался безъ измѣненія.

Далѣе, свящ. П—въ пишетъ, что я «дозволялъ законоучителямъ задавать вопросы ученикамъ и изрѣдка спрашивалъ не имѣютъ ли чего противнаго сказать противъ оцѣночнаго балла ученику, на что, конечно, получился утвердительный отвѣтъ, имѣя въ виду, что проставляемая отмѣтка предсѣдателя не есть еще экзаменаціонная, окончательная, а есть его личная»... Не думаю, что кто нибудь изъ присутствующихъ законоучителей и добавлю учителей могъ бы сказать, что я имѣю «*дозволялъ* задавать вопросы ученикамъ». Не позволялъ я, а всегда просилъ о.о. законоучителей сначала самимъ предложить вопросы ученику, а потомъ уже и самъ спрашивалъ, и права предлагать вопросы я никого не лишалъ, ибо это совсѣмъ не въ интересахъ предсѣдателя. Да и едва ли кто согласился бы быть предсѣдателемъ экзаменаціонной комисіи при существованіи права зависимости отъ предсѣдателя участія законоучителей и учителей въ предложеніи вопросовъ ученикамъ, такъ какъ трудъ при существованіи такого права для предсѣдателя былъ бы слишкомъ тяжелъ. Слѣдовательно, если говорить, что я «*дозволялъ* законоучителямъ задавать вопросы ученикамъ», когда они имѣли на то полное право, значить утверждать ложь недостойную званія священника.

По окончаніи отвѣтовъ почти каждаго ученика я обращался съ вопросомъ о согласіи или несогласіи на постановку той или иной отмѣтки и обращеніе мое относилось не къ однимъ законоучителямъ, а ко всѣмъ членамъ комисіи. Не отрицаю возможности, хотя и не помню, постановки балла безъ обращенія къ членамъ комисіи, но это могло быть только въ томъ случаѣ, когда для всѣхъ членовъ ясны прекрасные отвѣты ученика. Да оцѣнка знанія ученика балломъ

«5» хотя бы и однимъ предсѣдателемъ еще никого изъ членовъ комиссіи не возмущала, не возмущаетъ и автора статьи «Предсѣдатель въ трехъ лицахъ». Обращаться же къ членамъ комиссіи, какъ я высказалъ, считалъ себя обязаннымъ уже по одному тому, что ни у кого изъ членовъ комиссіи, кромѣ о. П.—ва и, кажется, о Н. П.—ко, не было даже черновыхъ списковъ для отмѣтокъ. А предъ началомъ экзамена я просилъ, что навѣрное не будетъ отвергать и самъ о. П.—въ, учителей заготовить для каждаго члена комиссіи списокъ учениковъ всѣхъ школъ для того, чтобъ каждый членъ комиссіи ставилъ свою отмѣтку, но мое предложеніе было отклонено вслѣдствіе общаго согласія ставить отмѣтку прямо въ бѣловой экзаменаціонный журналъ. Такъ что оправдывать себя невѣдѣніемъ, что предсѣдателемъ послѣ обращенія къ членамъ комиссіи ставится окончательная отмѣтка, болѣе чѣмъ неосновательно. Спрашивается: на основаніи какихъ данныхъ я могъ бы сдѣлать выводъ средняго балла, когда отмѣтокъ по всѣмъ предметамъ всѣхъ школъ ни у кого не было, даже и у о. П.—ва, за исключеніемъ своей школы. А не имѣли, повторяю, члены комиссіи отмѣтокъ, потому что предъ началомъ экзаменовъ согласились ставить отмѣтки прямо въ бѣловой списокъ. Не отъ меня вышло такое предложеніе, не отъ меня одного зависѣло поставить ту или иную отмѣтку ученику. Утвержденіе той или иной отмѣтки, ясно само собою, требовало общаго согласія. Я имѣлъ желаніе увеличить баллъ ученику Губинихской школы грамоты, предложивъ ему добавочный экзамень, но всѣ члены комиссіи запротестовали и мое желаніе не вышло изъ области желаемого. Игнорированіе ли это правомъ голоса членовъ комиссіи?

Нѣтъ ничего легче, какъ видѣть сучекъ въ глазѣ ближняго, а въ своемъ и бревна не замѣчать.

Нижеслѣдующій фактъ имѣлъ мѣсто при той же самой комиссіи. Отвѣчаетъ по Закону Божию ученица Николаевской женской церк.-прих. школы (фамиліи не помню) и довольно удовлетворительно. Но лишь только я предложилъ ей вопросъ, какъ слышу отъ о. Д. П—ва: «вы эту дѣвочку богато не пытайте, она у меня плохая, скверная, да и не *красивая*». Признаюсь, я чувствовалъ, какъ краска стыда выступаетъ на лицахъ всѣхъ присутствующихъ на экзаменѣ отъ гнилыхъ словъ, вырвавшихся изъ устъ, можно вполнѣ сказать, старика облеченнаго саномъ іерея. Какъ же нравственно должна быть убита ученица, слыша столь жестокою оцѣнку о своихъ физическихъ недостаткахъ при столь многочисленномъ собраніи, и отъ кого же? Отъ своего законоучителя и завѣдующаго, обязаннаго воспитывать, развивать, а не унижать въ челоуѣкѣ челоуѣческое достоинство. Бѣдная дѣвочка навѣрное ничего не могла бы отвѣтить послѣ столь лестнаго отзыва о ней, еслибъ не было тотчасъ же ободрена какъ мною, такъ въ особенности священниками: І. Ш—ко и Н. П—ко, указаніемъ завѣдующему—законоучителю неумѣстности оцѣнки физическихъ недостатковъ ученицы и обращеніемъ къ бѣдной дѣвочкѣ съ словами одобренія за ея вполнѣ хорошіе отвѣты.

Но этимъ дѣло не кончилось. Отвѣчаетъ другая ученица.—Опять слышу: «это у меня хорошая ученица, спрашивайте, что угодно, мнѣ она нравится, *да и красивая*... Дѣвочка, не ожидая услышать похвалу изъ устъ законоучителя о своей физической красотѣ, настолько смутилась, что на предлагаемые вопросы по Закону Божию дала отвѣты несравненно худшіе, нежели некрасивая дѣвочка.

О. Д.! Вѣдь это былъ экзаменъ на получение свидѣтельства объ окончаніи курса въ одноклассной церк.-прих. школѣ, а не конкурсъ на красоту я охотно уступаю вамъ пальму первенства какъ челоуѣку болѣе опытному и

снискавшему въ этомъ дѣлѣ должную оцѣнку въ лицѣ епархіального начальства. Представляю, что могло бы быть съ вашей школой, еслибъ она была вся наполнена некрасивыми дѣвочками? Вполнѣ тогда ясно, почему «нынѣшнія требованія, какъ вы пишете, и отношенія школьнаго начальства отбиваютъ у васъ охоту и къ занятіямъ и думамъ относительно лучшей постановки школьнаго дѣла».

Школьное начальство смотритъ на школу, какъ на источникъ, изъ котораго ученицы должны черпать чистыя знанія для развитія ума и сердца; а вы смотрите на школу какъ на художественную выставку, гдѣ премируются экземпляры, удовлетворяющіе всѣмъ требованіямъ красоты физической. При такихъ діаметрально противоположныхъ взглядахъ на школу мы съ вами никогда не сойдемся, а потому пренія по этому вопросу я считаю оконченными и дальнѣйшія ваши возраженія въ какой бы оскорбительной формѣ для меня не были изложены, можете быть вполнѣ увѣрены, не вызовутъ съ моей стороны отвѣта.

Свящ. *Сергій Силинъ.*

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ЖЕНСКАЯ ПРОГИМНАЗІЯ

О. И. Вильгальмъ

съ правами превительственныхъ четырехклассныхъ прогимназій.

Пріемъ прошеній ежедневно отъ 12-ти до 2-хъ часовъ. Пріемныя испытанія съ 16 августа. Въ младшій пригготовительный классъ принимаются ученицы безъ всякой подготовки.

ФАБРИКА И МАГАЗИНЪ КРАСОКЪ

Ш. Штейнбока

въ Екатеринославѣ, Казанская ул., № 26.

Выдаю письменное ручательство за металлизированное масло (олифа) и за краски моего производства для крышъ за зеленя на 7 лѣтъ и за сѣрыя и красныя на 5 лѣтъ.

Ручательство письменное на вышесказанные сроки выдаю лишь при томъ условіи, если окраска будетъ производиться подъ наблюденіемъ и руководствомъ назначеннаго мною челоуѣка, такъ какъ прочность и устойчивость окрашенныхъ крышъ зависитъ не отъ одной только краски, а еще и отъ добросовѣстнаго и умѣлаго выполненія маляровъ.

Подробный прейсъ-курантъ бесплатно.

3—1

Съ почтеніемъ Ш. Штейнбока.

Редакторы: { Инспекторъ Семинаріи *Михаилъ Брунбендеръ*.
 { Преподав. Семина. Протоіерей *В. Мстиславскій*.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Принципъ: «цѣль оправдываетъ средства» предъ судомъ общечелоуѣческаго нравственнаго сознанія. 2) Основные вопросы духовно-учебной реформы. 3) Опека разума. 4) Отвѣтъ на статью «Предсѣдатель въ трехъ лицахъ». 5) Объявленія.

Екатеринославъ, Типографія Братства Св. Владимира.